

ЮБИЛЕЙ

Меньшов в фильме "Ночной дозор".

Неудобный, колючий, подчас резкий, он не привык выбирать слова и путаться в витиеватых комплиментах. Сказал как отрезал: ни больше ни меньше. В самую точку. Жесткий к другим, жестокий к себе. Владимир Меньшов открыто говорит о своих недостатках. Правда, и достоинств скрывать не станет. Что ж, имеет право.

Меньшов-актер — на сегодняшний день один из самых востребованных. Практически ни один громкий проект не обходится без его участия. Меньшов-режиссер — другой. Скупой, но тщательный — выверяет каждый шаг. Лучше меньше, да лучше. Всего пять фильмов на счету. Зато какие! Попытались многие, удалось — единицам. Он в числе избранных — "Оскар" тому подтверждение.

Сегодня Владимиру Валентиновичу исполняется 65. Время подводить итоги? Нам кажется, рано. Сам мэтр считает, в самый раз. И что же в сухом остатке?

САМ ПО СЕБЕ РЕЖИССЕР

— Даже и не думал об этом. Но те, видимо, ждали. Вот, представляете, Бондарчук с "Оскаром". Какое положение! В принципе и я мог на это претендовать. Дистанцироваться от кинематографистов, ездить во все страны мира...

— Ну это выгодная позиция.

— Выгодная, но не моя. Это — роль, ее надо взять и играть. Вот женщины, к примеру: выходят замуж и резко меняют имидж. Выходит она за писателя — становится писательской женой. Сразу начинает разбираться в литературе, знает: кто из писателей бездарь, кто — талант. Выходит за академика — становится женой научного работника. Опять-таки со всеми вытекающими отсюда последствиями. И у мужчин такая же игра. Мне это натягивание маски всегда казалось фальшивым, ненужным. Извечная проблема: быть или казаться? Я предпочитал всегда — быть. А когда люди увидели, что эту роль я не играю... Ну что ж, замечательно: ниша пустой никогда не остается — тут же кто-то ее занял.

— Вы сейчас не оправдываетесь, примерив другую маску — маску принципиальности?

— О чем вы говорите?! Совсем нет... Я ни о чем не жалею. Может, я упустил какой-то карьерный рост. Но я бы тогда не снял "Любовь и голуби", я бы не снял "Ширли-Мырли", я бы не оставался тем же мальчишкой и хулиганом, который все время ставит перед собой какие-то невыполнимые задачи, придумывает что-то, идет на риск... Да, я не стал официальным художником. Ничего плохого не хочу сказать о Сергее Федоровиче Бондарчуке, но его "Красные колокола" в то время стали неизбежностью. Я выступил тогда на съезде кинематографистов, сказал, что считаю "Красные колокола" крупной неудачей. И это стало для Бондарчука потрясением. Правда, к моей радости, Сергей Федорович оказался мудрым человеком. Как-то на одном из многочисленных банкетов мы оказались за одним столиком: выпили по рюмке, потом пришли ко мне и долго сидели, разговаривали. Так и помирислись.

— Идти против течения для вас — принцип?

— Я вам так скажу. Когда приехал в Москву, меня потрясло то лицемерие, которое царило в театральных кругах. Люди стоят после премьеры и говорят: "Какой ужас! Кошмар!" А стоит только по-

явиться режиссеру — они расплываются в улыбку: "Дорогой, мы тебя поздравляем. Громадный успех!" Наблюдать это своими глазами было тошно. И я практически клятву себе дал, что никогда не буду играть в эти игры... Конечно, был наивен. Приобрел огромное количество врагов. И дело здесь не только в моем правдоискательстве. Есть люди, которые ну не выносят правду.

— Что такое зависть людская, узнали в полной мере?

— Да, это было. Когда четыре года назад я привез на "Кинотавр" свою "Зависть богов", схлопотал оглушительную пощечину. Журю сделало вид, что картины просто не существует. Ничто не было оценено: ни актерская, ни операторская работа, ни музыка. Хорошо, вы можете ненавидеть меня. Но составляющие картины, сделанные по профессии высоко, нельзя было пройти стороной.

— Почему так получилось, как считаете?

— У меня не сложились отношения в кинематографической среде. Все началось как раз с "Москва слезам не верит". Ее не приняли как таковую. И не случилось "Оскара", смяли бы картину. Вот переверстались могу: не дали бы ей дороги. Спустили бы на тормозах до такой степени, что она оказалась бы в числе самых позорных неудач.

— Почему так получилось, как считаете?

— У меня не сложились отношения в кинематографической среде. Все началось как раз с "Москва слезам не верит". Ее не приняли как таковую. И не случилось "Оскара", смяли бы картину. Вот переверстались могу: не дали бы ей дороги. Спустили бы на тормозах до такой степени, что она оказалась бы в числе самых позорных неудач. Ведь как было первоначально заявлено: "Позор!" Когда картина только вышла, некоторые говорили: "Господи, да это мы на раз можем сделать". И начали делать. Не получилось. Оказывается, в этой простенькой мелодраме есть еще и кусочек хвоста черта, который превращает картину в вечно цветущее дерево жизни.

— За что вас можно не любить, как думаете?

— За многое. Недостатков у меня более чем. Человек я нелегкий, крутой. Кто меня знает, принимает таким, какой я есть, — тем со мной легко и просто. А для малознакомых я — ершистый, колючий. Неудобный.

— Обиду, нанесенную вам, помните долго?

— Не сказал бы. У меня порог болевой достаточно высокий. К сожалению, я понимаю того человека, который пытается меня оскорбить. Вхожу в его положение, понимаю его мотивы и прощаю. Конечно, до определенного предела.

— Обида на Инну Чурикову была из этой серии?

— Да, Чурикова публично призналась, что жалеет о своем участии в "Ширли-Мырли", чем очень серьезно меня задела.

"Не люблю семьи, где верховодит женщина"

— Супружескую пару Владимир Меньшов — Вера Алентова принято величать не иначе как блестящей. Можно сказать, что вы — идеальная пара?

— Может быть. Думаю, мы близки к понятию "идеальная пара" по причине духовной близости. Мы на этом сошлись. Даже во время перестройки у нас не доходило до ссор. Знаете, как было: ей нравится Жириновский, а ему — нет. На этой почве в свое время у многих происходили раздоры в семье.

— Ну из-за этого ссориться смешно.

— Не смешно. Люди из-за этого разводились. Ну действительно, если бы жена у меня любила Жириновского...

— Неужели бы развелись?

— Нет, но я не знал бы, о чем с ней говорить.

— Вы всегда в одной связке? Друг без друга и шага не сделаете?

— Нет, конечно. Мы существуем по закону комплиментарности, то есть дополняем друг друга. Но когда мне говорят не вмешиваться, я не вмешиваюсь. С Верой сложнее. Говорю ей: не вмешивайся, она все равно вмешивается. Например, она работает над новой ролью в театре — я

исполнила Гурченко, но я ведь не снимаю картины специально под свою жену. Более того, и в "Москва слезам не верит" Вера не должна была играть. Не откажись Рита Терехова или Ира Купченко — не видать бы Вере роли Катерины. У нас, слава Богу, жизнь вполне автономная. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что из тех пяти фильмов, которые я снял, в трех она сыграла.

— На съемочной площадке режиссер — всегда главный. Это аксиома. У вас дома срабатывает та же формула: режиссер — актриса? Проще говоря, кто в семье главный?

— Это оспаривается бесконечно, но думаю, что я. Не люблю семьи, где верховодит женщина. В этом, мне кажется, есть что-то ущербное.

— Говорите прям как Гоша.

— Возможно, я ведь и себя в него вкладывал.

Если говорить по большому счету: я без нее не проживу, а она без меня уж совсем не проживет. И Вера это отлично понимает. Когда я позволяю себе всякого рода излишества — много работаю или много пью, она говорит: "Старик, следи за собой. Не дай бог, что случится и..." Женщина должна быть за мужем. Ее нужно защищать. Но не потому, что она слабее, наоборот — сильнее, выживаемее, у нее продолжительность жизни больше. Просто у нее другие функции... Вот Юля, моя дочь, недавно родила. Крохотное существо, второй уже ребенок. И если рядом нет мужчины, сильного мужика...

Звездное семейство: Юля и Владимир Меньшовы, Вера Алентова.

ничего не узнаю, пока не приду на премьеру. Вера не будет меня ни с кем знакомить, рассказывать о своих сложностях — ей не нужны мои советы. А я прихожу и, как правило, приятно удивляюсь. Из последнего — сильнейшее впечатление получил от спектакля "Варшавская мелодия". Причем роль Веры там — на грани фолла. В первом отделении ее героине 20 лет! Вот тут-то как раз она дрожала, даже советовалась: брататься — не брататься. Но когда мы с Юлей пришли на премьеру, были просто потрясены — сильнейшая работа.

— Насчет перевоплощения в 20-летнюю: по-моему, как раз в этом у вашей супруги проблем возникнуть не должно. Она же лет 20 уж не меняется.

— Ну я, когда смотрю "Москва слезам не верит", все-таки вижу, что там Вера несколько моложе, чем сейчас. Но она нашла свой стиль, следит за собой. Может быть, гены. Хотя мама у нее совсем не была молодежкой. Тем не менее, счастье, что она смогла сыграть в картине "Зависть богов" довольно откровенную сцену, да еще и с молодым партнером. Знаете, какой вопрос стал самым распространенным на пресс-конференциях после фильма? "Были ли у нее дублерши?" — "Не было, — отвечаю. — Вы же сами все видели: голова, и потом — панорама на тело". "Не может быть", — говорят.

— Почему в вашем другом кинохите "Любовь и голуби" для актрисы Веры Алентовой не нашлось роли?

— А она тогда была занята у Райзмана. Вполне возможно, Вера и могла сыграть роль, которую

сем не похоже на картофель-фри. Обыкновенная жареная картошка с луком, а получается как будто с грибами. Я и плов делаю хороший, супы могу сварить.

— А розетку починить все-таки не сможете?

— Смогу, но в итоге какой-нибудь шуруп обязательно войдет криво. Самое главное, мне наплевать: ну и хрен с ним, что криво. А Вера подойдет и скажет: "Ну как же, господи. На это же смотреть нельзя. Надо развинтить, шуруп новый найти, завернуть..." И делает.

— У вас уже двое внуков: Андрей и теперь Тая. Настало время нянчиться с внучатами?

— Знаете, это совсем не от деда зависит. Пока что Андрей и Тая существуют целиком в ауре мамы и отчасти бабушки. Когда я с внуками, всегда вижу их настороженные, испуганные взгляды: это не так сказал, то не так сделал... У нас и с Юлей долгое время отношения складывались подобным образом. Тоже была под маминым колпаком. Я в этот мир просто не помещался, меня туда не пускали. Только когда Юля перешла в подростковый возраст, у нас с ней началось нормальное общение.

— Сейчас ваша дочь — известная телеведущая, и на какое-то время стала даже популярнее вас...

— Что ж, я только порадовался. Где-то в лифте, помню, еду, и какая-то женщина, глядя восторженно на меня, сказала своей дочке: "Смотри, это папа Юли Меньшовой".

— Все-таки прав оказался герой вашего фильма, когда говорил, что через 20 лет ничего не будет — одно сплошное телевидение?

— Да, телевидение наступает. Когда Юля только родилась, мы жили в общешитии с актером Театра им. Пушкина Юрием Николаевым. Когда его перетаскивали на телевидение работать диктором, для всех это казалось резким понижением по службе. Быть актером в театре и уйти диктором на телевидение — да это же позор! Я тоже тогда так думал и теперь охотно признаюсь в своей глупости.

"Свою цистерну я уже выпил"

— В нашем разговоре вы обмолвились: "много пью". Для вас это проблема?

— Сейчас не проблема, но свою цистерну я уже выпил. Некоторая зависимость даже была, но я никогда не драматизировал события. Я научился этой зависимостью управлять. И самое главное — не пошел к врачам.

— Вы, как и многие мужчины, считаете, что все болезни придумывают врачи?

— Во всяком случае, что бы врачи ни говорили по этому поводу, все они работают на одном и том же механизме — страх. Врач должен внушить тебе зависимость от себя. А когда становишься зависим, что для творческого человека есть начало гибели, внушает тебе, что без него ты погибнешь. Поэтому врачей стараюсь избегать... Знаете, сейчас я вступил в возраст большого риска. Все может оборваться в один момент. Совершенно спокойно об этом говорю. Уже начал хоронить людей и моложе себя. За последние несколько лет ушли и Валерка Приемыхов, и Виталик Соломин, и Саша Фатюшин. Уже снаряды ложатся рядом. Пора подводить итоги.

— Рановато, конечно, но все же. На вашем режиссерском счету всего 5 фильмов. Не маловато?

— Маловато. Я не замечаю, как пролетает время. Сейчас с ужасом понимаю, что "Зависть богов" закончил уже четыре года назад. А вроде как только что. Но как получается: первый год после выхода картины я всю ее оттерживаю. Критика в газете, даже звонок от друга — еще один повод пересмотреть картину. Поэтому первый год после каждого фильма у меня потерян.

— Но между вашими картинами сроки куда больше, чем даже пару лет.

— Мне есть чем заниматься. У меня ведь есть еще и актерская профессия... Вообще, все зависит от внутреннего биоритма каждого из нас. Знаю немало режиссеров, которые просто не могут не снимать. Я могу. Честно говоря, слабо представляю себе, чтобы я подумал: "Вот этот сценарий вроде ничего, почему бы не снять". Не могу. Я должен начинать картину, понимая, что делаю что-то большое, важное, безумно интересное для меня. А такое ощущение возникает в среднем раз в пять лет.

— То есть через год стоит ждать от вас нового фильма?

— Безумно хочется. Загадывать только не стану.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

"Когда я получил 'Оскар', наша киноэлита заметно напряглась"

— Где же ваш "Оскар"? Я читал, заветная статуэтка занимает в квартире самое видное место.

— Да нет, стоит себе на полочке. В чулан, конечно, не прячу, но и напоказ гостям не выставляю. Откровенно говоря, "Оскар" у меня не вызывает того бешеного восторга, как у других. Конечно, когда приходят корреспонденты или друзья-кинематографисты, обязательно просят показать, поддержать. Для них это — как будто поздравиться за руку с кем-то из великих. А я... привык, наверное.

— Ну, это сейчас. А когда только узнали о решении американской Киноакадемии?

— В то время мы имели чрезвычайно скудную информацию. Не понимали: какой степени эта награда. Я, честно говоря, и сейчас не разделяю всеобщую истеричность по поводу "Оскара". Дикие переживания: кто получит, кто не получит, неужели не "Чикаго", а "Банды Нью-Йорка"? Да плевать на обе! Ничего в них особенного нет... А тогда выдвижение моего фильма стало для меня загадкой полнейшей. Однако по моментально изменившемуся ко мне отношению кинематографической элиты я сразу почувствовал, что совершил, так сказать, "неблаговидный" поступок. Люди, понимаешь, жизнь положили, чтобы получить этого самого "Оскара", знали всю подноготную, изучали все списки, лоббировали свои картины, знакомились с иностранными режиссерами... И когда я получил "Оскар", наша киноэлита заметно напряглась — от меня ждали каких-то поступков.

— Боялись, что кого-то подсадите?

— Это сейчас, задним числом я понимаю, что с этим "Оскаром" можно было поставить себя в очень особое положение.

— А вам не удалось?

